

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

стихотворения

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ц27

Художественное оформление
Анастасии Зининой

Цветаева, Марина Ивановна.
Ц27 Стихотворения / Марина Цветаева. —
Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-242930-9

Марина Цветаева создала поэзию, которую невозможно спутать ни с чьей другой. Напряженная, искренняя, стремительная, она говорит о любви, свободе, одиночестве и поиске себя с той откровенностью, которая и сегодня звучит удивительно современно.

В книгу вошли лучшие стихотворения разных лет, раскрывающие многогранность творчества Цветаевой и силу ее неповторимого поэтического голоса.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Воденников Д.Б., предисловие,
2026

© Оформление. ООО «Издательство
ISBN 978-5-04-242930-9 «Эксмо», 2026

ЦВЕТ ЛЕДЯНОЙ ЦВЕТАЕВСКОЙ РОЗЫ

Эренбург рассказывал, что, когда он с ней познакомился, Марине Цветаевой было двадцать пять лет. Его в ней поразило странное сочетание надменности и горделивости: «осанка была горделивой — голова, откинутаая назад, с очень высоким лбом; а растерянность выдавали глаза: большие, беспомощные, как будто невидящие — Марина страдала близорукостью. Волосы были коротко подстрижены в скобку. Она казалась не то барышней-недотрогой, не то деревенским пареньком. Когда я впервые пришел к Цветаевой, я знал ее стихи; некоторые мне нравились, особенно одно, написанное за год до революции, где Марина говорила о своих будущих похоронах».

Я люблю это стихотворение. Оно о Пасхе.

Настанет день — печальный, говорят!
Отцарствуют, отплачут, отгорят,
— Остужены чужими пятаками —
Мои глаза, подвижные как пламя.
И — двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит лик.

Так написала Цветаева. 11 апреля 1916.
Я с юности помню это стихотворение наизусть.
В нем есть первая апрельская подсохшая пыль,
сухие еще ветки деревьев (или тут со мной
играет шутки еще неперемежённый календарь?
и никаких там апрельских веток еще не было?),
весенняя быстротекущая вечность, ощущение
на монетном ребре остановившегося времени.
Куда упадет монетка?

Но монетка всегда падает орлом.

О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!
А издали — завижу ли и Вас? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.
На ваши поцелуи, о, живые,

Я ничего не возражу — впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску,
Святая у меня сегодня Пасха.

Я люблю Пасху. Не ту официальную, нынешнюю, а ту, детскую, не запрещенную, но и не особенно разрешенную. Скажем так, незамеченную. Я атеист, но Пасха мне кажется самым сильным, нежным и нужным праздником. Который всегда про то, чего и не свете этом нет. Про то, что все мы вернёмся, всё всем простим, покатаемся, как цветное яичко, и не разобьёмся. Который про то, что смерти нет. Как и той мышки, которая пробежит мимо нас и заденет хвостиком, а мы — раз, и разбились.

Нет ни смерти, ни мышки, ни хвостика. А мы есть. И как будто бы навсегда. Об этом как будто многие стихи Цветаевой.. Но вернемся к Эренбургу:

«Войдя в небольшую квартиру, я растерялся: трудно было представить себе большее запустение. Все жили тогда в тревоге, но внешний быт еще сохранялся; а Марина как будто нарочно разорила свою нору. Все было накинано, покры-

то пылью, табачным пеплом. Ко мне подошла маленькая, очень худенькая, бледная девочка и, прижавшись, доверчиво, зашептала:

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Я похолодел от ужаса: дочке Цветаевой — Але — было тогда лет пять, и она декламировала стихи Блока. Все было неестественным, вымышленным: и квартира, и Аля, и разговоры самой Марины — она оказалась увлеченной политикой, говорила, что агитирует за кадетов».

Так Эренбург написал 22 августа 1917 года. А я сейчас в 2019 захожу в угловой магазин и принимаю участие в совершенно цветаевском разговоре.

Еще при входе заметил, что продавщица восточной внешности, она же кассирша, заплаканная, говорит по телефону. Когда взял продукты, подошел к кассе.

— Вы расстроены чем-то? — спросил.

— Кем-то. Мужем, — неожиданно откровенно отвечает она. — Он не работает, а деньги тянет. Но я больше не дам.

Я выкладываю на прилавок пакет кефира
и хлеб:

— Может, вам развестись?

— Да мы уже в разводе.

Я не знаю, что сказать. Мне было ее жалко,
но чужую беду руками разведу, а тут еще этот
неуместный кефир.

— Ну вы не плачьте так. Пройдет всё. Время
лечит. (Да, так и сказал эту пошлость: время лечит.)

— Да, время всё лечит, — вдруг согласилась
она.

И тогда я вспоминаю цветаевское стихотво-
рение о том, что ничего на самом деле время не
лечит. Мое самое любимое у нее. «Тебе — через
сто лет».

К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, —
Из самых недр — как на смерть осужденный,
Своей рукой пишу...

Там, в этом стихотворении, есть строчки
про розовое. Розовое платье:

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям во мглу могил:
— Все восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!

...райский розовый цвет, цвет бледного кизила, цвет ситцевой розы, цвет попурии, цвет взбитого персика (так и написано в таблице оттенков), цвет вечернего песка, лососевый цвет, сладкий лиловый оттенок, цвет ледяной розы, цвет омарового супа, шокирующий розовый цвет. Их много.

Какой из этих цветов хотела Цветаева, написавшая: «Все восхваляли? Розового платья никто не подарил»? Не знаю.

Потому что на самом деле Цветаева нежно-розового почти не носила: она запомнилась кому-то из ее видевших «бежевой».

Со мной в руке — почти что горстка пыли —
Мои стихи! — я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я — или
В котором я умру.

На встречах женщин — тех, живых, счастливых, —

Горжусь, как смотришь, и ловлю слова:
— Сберище самозванок! Всё мертвы вы!
Она одна жива!

А вот из совсем другого стихотворения:

Если б только не холод крайний,
Замыкающий мне уста,
Я бы людям сказала тайну:
Середина любви — пуста.

Строчка про розовое платье написана в 1919-м, а вышеприведенные в 1924-м. Правда, в 1939-м Цветаева эти строчки из «Посвящения» убрала. «Поэма Горы» (как, впрочем, и «Поэма Конца»), рассказывающая про разрыв с тогдашним ее возлюбленным и любовником Константином Родзевичем, была переписана Цветаевой для литературоведа Евгения Тагера, к которому она тоже была равнодушна. Почему вылетела строфа, мне неизвестно.

Платье, впрочем, мелькнет еще один раз. «Цветом омарового супа». Цветаева будет в одном письме к приятелю утверждать, что подарила невесте Родзевича свадебное платье. Вряд ли розовее. Но подарила. «Кстати знаете ли Вы, что мой герой «Поэмы Конца» женится, наверное, уже женился. Подарила невесте свадебное платье (сама передала его ей тогда с рук на руки, — не платье! — героя)».

Впрочем, бедная невеста (из смертных, из нас, женщина простая, без божеств) этот факт

опровергает. Зато свидетельствует, что ей было очень неприятно найти, уже после их свадьбы, в кармане мужа пламенную призывную записку от Цветаевой. «Она всегда так поступала. Противно даже!»

А Родзевичу, наверно, нет: было даже смешно. Он был человеком красивым, изящным, чем-то напоминал Андрея Болконского: «ироничный, мужественный, даже жестокий. К Марине он большого чувства не питал, он её стихов не ценил и даже, вероятно, не читал».

...цвет лилово-древесный, вересковый цвет, цвет пепел розы.

А она, Марина Иванна, как сгоревшая роза, всё твердит и твердит о своем, ссорится, доказывает, упрекает.

Как живётся вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговую
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По́ небу — не по водам!)
Души, души! — быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Память отошла скоро. Жизнь Родзевича после разрыва с Цветаевой сложилась более чем ярко. Ариадна Эфрон про Родзевича сказала более чем ярко: он имел «мотыльковую сущность и железобетонную судьбу». Судьба его была действительно сперва железобетонной, потом странно мягкой, как вязаные носки.

Родзевич воевал в составе интербригад в Гражданской войне в Испании, был участником французского Сопротивления во время Второй мировой, попал в нацистский концлагерь, после войны жил в Париже, занимался резьбой по дереву (последнее удивительно звучит в общем ряду), кто-то даже утверждал, что он был и агентом советской разведки. Умер же Родзевич на 93-м году жизни в доме престарелых под Парижем.

...цвет розового облака, цвет ледяной клубники, легкий лунно-лиловый оттенок, цвет восхитительной розы, цвет розового фламбе. Я перечитываю эти оттенки розового в таблице, и мне почему-то Цветаеву очень жаль. Всё не о ней, всё не про нее. Если, может быть, только в самом конце строки — но уже в ином смысле, в «инаком»:

...цвет малинового шербета, цвет цветка кактуса, шокирующий розовый цвет.

Монетка падает орлом, и жизнь легкой не получается. Никакого благообразного плата. Никакого розового цвета вереска, одна тоска и метания.

Когда, уже вернувшись в СССР, Цветаева встречается в одном из коридоров с молодым Арсением Тарковским, она в него влюбляется и это история ее любви такая же болезненная, как и все ее последние любовные истории. Однажды она уверяет Тарковского, что видела лицо его жены, прильнувшее к ее окну на седьмом этаже. (Какая-то Гела из еще даже не изданного романа Булгакова.) Тарковский пытается ее образумить: «Марина Ивановна, подумайте, что вы говорите!»

Но Цветаева уверена в ночном видении.

В другой раз Цветаева звонит Тарковскому в два часа ночи и сообщает, что у нее оказался его платок. Какой платок? Зачем по этому поводу звонить в два часа ночи? Нет, она должна его вернуть. Немедленно. Говорит очень настоятельно. Тарковский, конечно, в ужасе.

Именно после этого у двух поэтов возникает в стихах переключка, точнее: Цветаева их

такими стихами-переключкой своей волей сделала.

Есть знаменитое теперь стихотворение Тарковского «Стол накрыт на шестерых», к которому Цветаева написала свой теперь не менее знаменитый ответ:

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл — седьмого.
Невесело вам вшестером.
На лицах — дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть — седьмую...

Меня всегда поражал этот ее парафраз. Человек показывает свой домашний альбом, где есть фотография его самых родных людей, некоторые из них мертвы, а в комнату входит гостья, утверждающая, что всем невесело, упрекает хозяина, что на фотографии нет ее, и вдруг быстрым движением вклеивает свою фотографию (лицо или силуэт) в эту полупоминальную фотографию. И еще раз упрекает.

Но от этого ни изначальное стихотворение, ни стихотворение-ответка не становятся менее

гениальными. Гениальность вообще не очень добра. И тут никто никого не собирается утешать. «Бог не сентиментален», — написала одна питерская поэтесса. Настоящие стихи — тоже.

Перед вами сборник стихов Марины Цветаевой, в котором не будет сентиментальности, а только один Бог. Бог яростной попытки быть понятой и услышанной (может быть, именно в такой обратной последовательности), бог заперщенного приема, бог ледяной розы и монетки, навсегда вставшей на ребро.

Дмитрий Воденников

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

*Коктебель,
13 мая 1913*

* * *

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
— И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

* * *

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все — как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
— Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

— К вам всем, — что мне, ни в чем
Не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто — слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне — прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
— Послушайте! — Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913